

давнюю историю, но в рамках заявленной темы практически не рассматриваемого, и Эльбской филармонии, открытой в 2017 году, (Гамбург), и еще не ставшей предметом пристального научного анализа. Данный выбор обоснован и дает возможность М. А. Батуриной проследить функционирование залов в различной социокультурной среде. Очевиден, в связи с решением подобной аналитической задачи междисциплинарный подход, спровоцированный, впрочем, темой, и заявленной проблематикой. В результате исследования автор работы приходит к убедительным выводам, касающимся параметров социокультурного функционирования залов: новая «публичность» (рост аудитории, исполнительских составов) как результат взаимодействия с новыми архитектурными объемами и формами, акустические параметры; тенденция от монофункциональности к полифункциональности, универсализму (в технологии структуры зала и наличии развитой инфраструктуры), «брендовости», «культурному центру» с учетом стимулирующих механизмов (социальных, экономических, политических).

Профессионализм автора работы проявился также в анализе и обобщениях, касающихся двух избранных залов. Большой зал филармонии сегодня, действительно, движется от монофункциональности в сторону полифункциональности (новая репертуарная политика при сохранении старой, лекции, экскурсии, выставки, арт-галерея и др.), зал Эльбской филармонии – проектировался как многофункциональный (разнообразная репертуарная политика, лекции, рестораны, отель, фитнес-центр и пр.) как символ города, как мощный культурный центр. Отмечены также и акустические особенности залов, безусловно, связанные с временем и предназначением архитектурного пространства залов.

Итак, в результате представленного М. А. Батуриной анализа двух крупнейших залов России — Европы создается полноценная картина специфики залов, форм их функционирования в социокультурном пространстве. Но хотелось бы задать вопрос, касающийся оценки, или